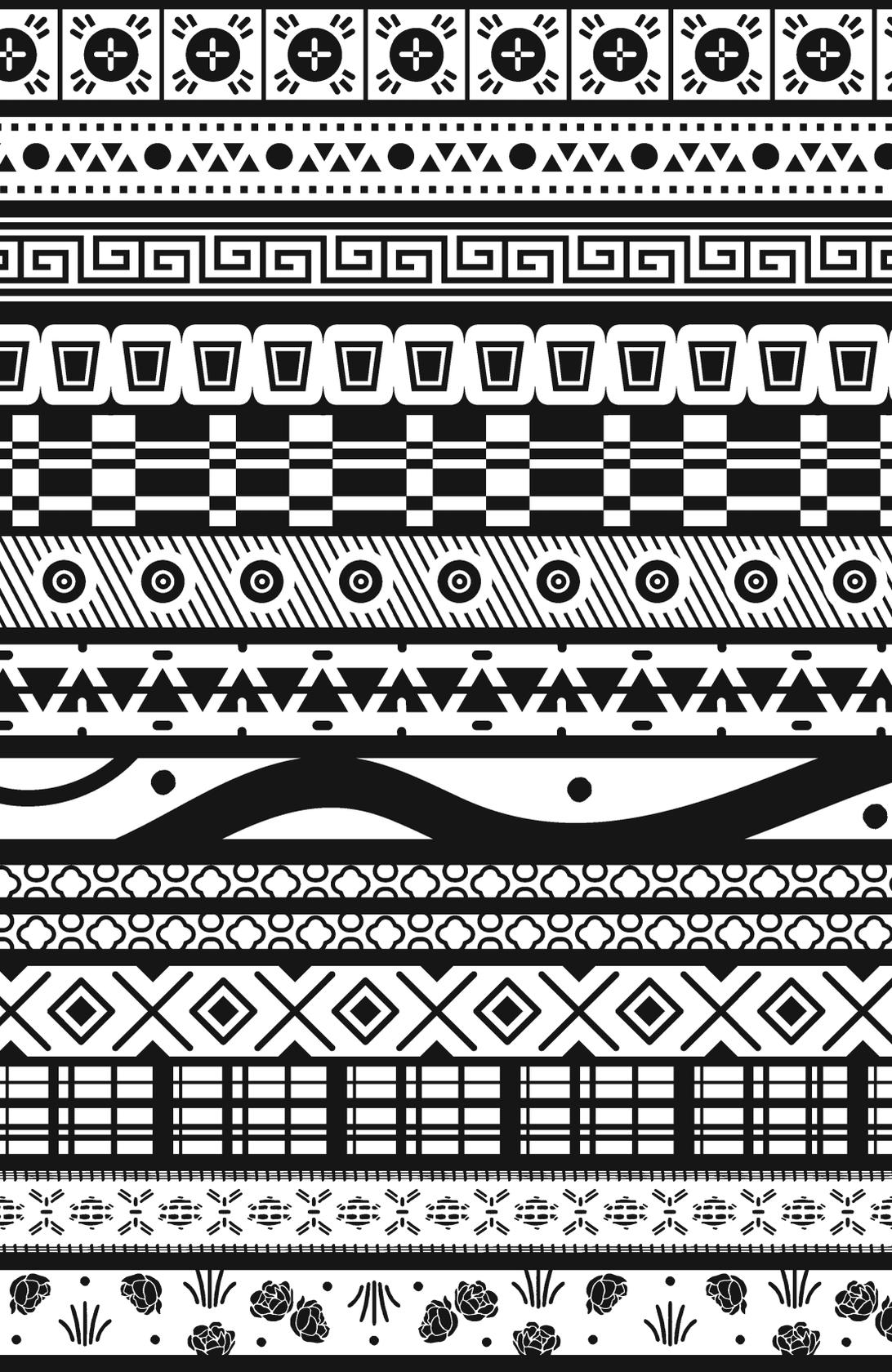

*Посвящается детям, которые ищут в сказках
похожих на них героев.
И девочкам, чьи истории мы сокращаем до чудес
и сожалений, триумфов и предостережений,
не спрашивая даже их имен.*

ЧАСТЬ 1

ГЛАВА 1

МНЕ НЕ СТОИЛО УДИВЛЯТЬСЯ, ЧТО ФЕИ СУЩЕСТВУЮТ. Когда мимо окна прошло стадо слонов, в пыли вспыхнули огоньки, танцующие над бивнями и серой кожей. Я осторожно свесилась с подоконника, надеясь поймать один огонек, но слуги затащили меня обратно.

— Как не стыдно, Тарисай. — Мой учитель покачал головой. — Что скажет Леди, если ты упадешь?

— Но я хотела посмотреть на огоньки, — сказала я.

— Это всего лишь *тутсу*. — Учитель отогнал меня от окна. — Добрые духи. Они провожают потерявшихся слонов к водоемам.

— Или к львиной стае, — пробормотал другой наставник. — Если они не очень добрые.

Магия, как я вскоре поняла, была изменчивой и непредсказуемой. Однажды я прищурилась, глядя на раздутый ствол баобаба во дворе, и увидела чье-то щекастое лицо.

— *Кай-кай! Девочка-убийца!* — чирикнуло существо и исчезло в дупле.

Мне было семь, когда меня нашел «человек» с кобальтово-синими огненными крыльями. Той ночью я решила искать свою мать по всей Суоне, втором по величине королевстве Аритской империи. Я прокралась мимо храпящих горничных и учителей, набила мешок плодами манго и перелезла через кирпичную стену.

Луна высоко висела над саванной, когда путь мне преградил *алагбато* — волшебный дух. Его золотистые раскосые глаза слегка светились. Он схватил меня за шиворот и поднял над землей, внимательно разглядывая. На мне было одеяние цвета банановых листьев, оставлявшее плечи открытыми. Я махала руками и пинала воздух, пытаюсь

вырваться, но алагбато молча наблюдал за мной, явно забавляясь.

«Я в своей кровати в усадьбе Бекина», — подумала я. Сердце стучало в груди, как барабан из козьей кожи. Я укусила себя за щеку, чтобы убедиться, что все еще сплю.

«Я укрыта тонкой сеткой от москитов, а слуги обмахивают меня опахалами из пальмовых листьев. Я чувствую запах завтрака из кухни. Каша из кукурузы. Жареная рыба матемба...»

Но щека начала болеть. Я находилась не в кровати. Я блудилась на травяной равнине Суоны. Алагбато был словно соткан из огня.

— Здравствуй, Тарисай! — Мои волосы обдало дыханием — горячим, как ветер пустыни. — И куда же ты направляешься?

— Откуда ты знаешь, как меня зовут? — спросила я требовательно.

Неужели алагбато всезнающ, как Сказитель Ам?

— Я дал тебе это имя.

Я слишком сильно злилась, чтобы как следует задуматься над его ответом. Алагбато обязательно быть таким ярким? Даже его волосы сияли вокруг узкого лица подобно ореолу. Если наши охранники заметят его...

Я вздохнула. По саванне я успела пройти не больше мили. Если меня поймут сейчас, это будет ужасно унижительно. Учителя запретят меня снова — и на сей раз заколотят даже окна. Абсолютно все.

— Меня нельзя трогать, — огрызнулась я, царапая алагбато.

Кожа его на ощупь оказалась горячей и гладкой, как глина, оставленная затвердевать на солнце.

— Нельзя? Ты еще маленькая: можешь уместиться. Я слышал, человеческие дети нуждаются в любви и ласке.

— Ну а я не человек! — победно воскликнула я. — Поэтому отпусти меня.

— Кто это тебе сказал, девочка?

— Никто, — признала я после паузы. — Но все так говорят за моей спиной. Я не похожа на других детей.

Это не совсем правда. На самом деле я никогда даже не видела других детей, если не считать ребятишек из торго-

вых караванов, проходивших мимо усадьбы Бекина время от времени. Я махала им из окна, пока рука не начинала ныть, но они никогда не махали в ответ, а просто смотрели сквозь меня, словно наша усадьба — дом, сад, постройки для прислуги, которых хватило бы на небольшую деревню, — была невидима для внешнего мира.

— Да, — согласился алагбато мрачно. — Ты действительно не похожа на других. Хочешь увидеть свою мать, Тарисай?

Я тотчас прекратила сопротивляться, повиснув в его руках, как плющ.

— Ты знаешь, где она?

Мать была подобна утреннему туману: в одно мгновение — здесь, а в следующее — исчезает, оставив после себя лишь аромат жасмина. Учителя суеверно кланялись, когда проходили мимо ее деревянного бюста в моем кабинете. Они называли ее *Леди*. Я восхищалась нашим сходством: у меня были такие же высокие скулы, полные губы, бездонные черные глаза. Деревянная Леди неизменно наблюдала за происходящим, пока учителя толпились в комнате от рассвета до заката.

Они общались между собой на диалектах всех двенадцати королевств Аритской империи. Одни — темнокожие, как я и Леди. Другие — бледные, как козье молоко, с глазами цвета воды. Кожа третьих была красно-коричневой и пахла кардамоном, четвертые обладали золотыми волосами, стекавшими по плечам, как чернила. Учителя без устали снабжали меня загадками и головоломками.

«Сможет ли она решить вот эту? Попробуем другую. Ей надо получше постараться».

Я не знала, что именно они искали. Но как только они находили искомое, я могла увидеть настоящую Леди.

«Сегодня Леди будет довольна», — шептали они, когда я показывала превосходные результаты. Тогда палисадные ворота усадьбы Бекина открывались, и Леди заходила в дом, далекая, как звезда. Ее плечи сияли подобно тлеющим углям. Окрашенная воском одежда облегла тело, как вторая кожа: красными, золотыми и черными зигзагами змеились узоры. Она прижимала меня к груди, и мне становилось так хорошо, что я плакала от счастья.

А она напевала:

— Я — моя. Она — это я, и она — лишь моя.

Леди никогда не общалась со мной напрямую, хотя я и демонстрировала успехи в учебе. Иногда она кивала, словно говорила: «Да, неплохо». Но в конечном итоге всегда качала головой. «Нет. Недостаточно хорошо».

Я зачитывала наизусть стихотворения на восьми разных языках. Бросала дротики в миниатюрные мишени. Решала гигантские логические головоломки, нарисованные на полу. Но каждый раз все заканчивалось одинаково: *нет, нет* и снова *нет*. А затем Леди исчезала в облаке дурманящих духов.

В пять лет я начала ходить во сне, шлепая босыми ногами по гладкому полу усадьбы. Я заглядывала в каждую комнату, жалобно хныча в поисках матери, пока кто-нибудь из слуг не относил меня в постель.

Они старались никогда не касаться моей кожи.

— Я не могу найти твою мать, — сказал мне алагбато в ночь неудавшегося побега. — Но могу показать воспоминание о ней. Эй, не в моей голове! — Он уклонился от моих рук, потянувшихся к узкому лицу. — Я не храню в черепе секреты.

Леди запретила слугам касаться меня не просто так. Я могла украсть историю почти у всего: у расчески, у копья, у человека. Когда я чего-то касалась, то знала, где эта вещь или живое существо находились мгновение назад. Я видела их глазами, если таковые у них имелись, дышала их легкими, чувствовала то, что испытывали чужие сердца. Если я задерживалась в воспоминаниях надолго, то могла погрузиться в прошлое на месяцы и даже годы.

Только Леди была неуязвима к моему дару. Я знала каждую историю в усадьбе Бекина, за исключением ее.

— Ты сможешь взять воспоминание из того места, где все и случилось, — добавил алагбато, аккуратно поставив меня в высокую траву. — Пойдем. Это недалеко.

Он протянул мне костлявую руку, но я колебалась.

— Я не знаю тебя, — сказала я.

— Ты уверена? — спросил он, и на мгновение мне показалось, что я смотрю в зеркало. Он улыбнулся, поджав губы,

как сурикат. — Если тебе от этого легче, меня зовут Мелу. И благодаря *той женщине* я уже не алагбато. — Улыбка Мелу стала горькой. — Больше нет.

Меня охватил страх, похожий на дым от угольной ямы, но я заставила свои тревоги умолкнуть. «*Ты хочешь найти Леди или нет?*»

Я подобрала мешок, из которого выпала большая часть манго, и взяла Мелу за руку. Он осторожно обхватил мою ладонь: пальцы провожатого оказались жесткими, будто из бронзы. На предплечье у него блестел украшенный изумрудами наруч: когда я случайно коснулась широкого браслета, он меня обжег.

— Осторожно, — пробормотал Мелу.

Мы вышли на поляну, где росли акации. Над гладью озера хлопали крыльями цапли. Воздух пах лилиями и фиалками, кусты шелестели бессловесную колыбельную.

— Ты здесь живешь? — спросила я восхищенно.

— В некотором смысле, — ответил он. — Первую тысячу дней все было прекрасно. Но постепенно пейзаж начал меня утомлять.

Я моргнула в недоумении, но он не стал пояснять, только показал на мягкую темно-красную почву под ногами:

— Вот тут.

Я осторожно прижала ухо к земле. Мне никогда еще не доводилось забирать историю из места, которое было больше, чем моя спальня. Знакомый жар охватил щеки и ладони, когда разум зарылся в почву, цепляясь за самое сильное воспоминание.

А крылатый мужчина и цапли исчезли.

Поляна стала моложе: теперь на ней — меньше акаций и кустов. День в самом разгаре. Вода в янтарном озере — чистая и прозрачная, нет ни рыбы, ни мух-однодневок.

Сердце пропускает удар: Леди, моя Леди, небрежно облокачивается на прибрежный камень. Ее отражение в воде

превращается в солнечную мозаику, искажающую лицо и облако полуночно-черных волос. Одежда измята и места-ми порвана, сандалии изношены до дыр. Я беспокоюсь: «*От чего же ты бежала, матушка?*»

Леди окунает в воду наруч с изумрудами. Она что-то шепчет, нежно целует браслет: драгоценные камни вспыхивают и гаснут.

Потом она откладывает наруч в сторону и зовет алагбато:

— Мелу!

Она пробует слово на вкус, растягивая оба слога, как песню.

— Мелу, дорогой! Не выйдешь ли поиграть?

В ответ — тишина. Леди смеется — глубоко и низко.

— Провидцы говорят, что алагбато не любят людей. Некоторые даже сомневаются, что ты существуешь, Великий Мелу, хранитель Суоны. Но я знаю, что ты меня слышишь. — Она достает из кармана зеленый флакон и слегка наклоняет его над озером. — И слышишь прекрасно.

Горячий ветер проносится над поляной, вылепливая из пыли и глины высокого стройного мужчину.

Его крылья сияют кобальтово-синим, как едва разгоревшееся пламя, но голос у него ледяной:

— *Остановись.*

— Я бы назвала тебе свое имя, — говорит Леди. — Если бы только отец потрудился мне его дать.

Она делает паузу, все еще наклоняя флакон над озером.

— Как быстро кровь *абику* впитается в воду и землю, Мелу? Как много ее понадобится, чтобы отравить всех живых существ на пятьдесят миль вокруг? Две капли? Три?

— Не надо, — поспешно выпаливает Мелу. — Постой.

Леди указывает ему на изумрудный наруч.

На лице Мелу читается поражение. Стиснув зубы, он подбирает наруч и защелкивает на руке.

— Если я сделала все правильно, — продолжает Леди, — то ты больше не алагбато Суоны. Ты мой личный *эру...* джинн.

— Три желания, — выплевывает Мелу. — И я буду привязан к равнине, пока не исполню их.

— Как удобно.

Леди садится, задумчиво болтая в воде мускулистыми коричневыми ногами.

— Мелу, я желаю крепость, которую никто не сможет увидеть, пока я не захочу. Дом, где я и мои друзья всегда будем в безопасности. Что-то... подходящее для королевы. Таков мой первый приказ.

Мелу моргает.

— Сделано.

— Где?

— В полумиле отсюда. — Мелу указывает: вдалеке сияют гладкие стены новоявленной усадьбы Бекина.

Леди лучится довольством.

— А теперь, — выдыхает она, — я желаю смерти Олугбаде...

— Этого я не исполню, — перебивает Мелу. — Жизнь и смерть — не в моей власти. Особенно *эта* жизнь. Даже духи не могут убить Лучезарного.

Леди недовольно поджимает губы, но затем немного расслабляется.

— Да, как и ожидалось, — говорит она. — Что ж. Тогда я желаю иметь дитя, которое будет делать, думать и чувствовать именно то, что я ему скажу. Продолжение меня. Одаренное дитя, способное выиграть состязание талантов. Таков второй приказ.

— Невозможно, — возражает Мелу. — Я не могу заставить человека любить или ненавидеть. Ты не сумеешь *владеть* ребенком, как владеешь эру.

— Разве?

Леди в задумчивости складывает пальцы башенкой. И вдруг холодно улыбается, демонстрируя белоснежные зубы.

— А если, — добавляет она, — мое дитя *и будет* эру? Если оно родится от тебя?

Мелу застывает, как дерево в сухой сезон.

— Такой союз противоестественен: ты человек. Мы относимся к разным видам. Ты просишь меня совершить нечто отвратительное.

— Вовсе нет, Мелу.

Черные глаза Леди встречаются взглядом с глазами эру, полными ужаса.

— Я *приказываю* это совершить.

Затем они провели некий ритуал, значения которого я в свои семь лет еще не понимала. Все выглядело болезненно — то, как тело Мелу изгибалось над плотью Леди, лежащей в траве. Два вида, которые никогда не должны были соединиться, разные, как плоть и металл, слились воедино. Но как сказало мне воспоминание, девять месяцев спустя в усадьбе Бекина раздался громкий младенческий плач. Третье, не исполненное желание Леди, текло с тех пор по моим венам.

— Теперь ты понимаешь? — произнес Мелу, когда воспоминание закончилось. — Пока ты не исполнишь ее третье желание, ни ты, ни я не будем свободны.

Он дотронулся до моего лба длинным тонким пальцем.

— Я торговался с Леди за право назвать тебя Тарисай. Это суоннское имя. Оно значит: «Узри-Грядущее». Твоя душа пока принадлежит ей, но я настоял: имя должно принадлежать только тебе самой.

Его голос звучал словно издали. История Леди утомила меня. Я едва почувствовала, как Мелу подхватил меня на руки и взлетел в ночное небо, чтобы оставить у ворот усадьбы Бекина.

На прощание он прошептал:

— Я привязан к саванне уже более семи лет. Ради своего блага я надеюсь, что женщина получит желаемое. Но ради твоего блага, дочь моя, надеюсь, что этот день никогда не настанет.

Затем слуги сбежались к воротам, и Мелу исчез.

Дюжина беспокойных рук уложила меня в кровать. Приторные голоса хором успокаивали меня, когда я стала рассказывать о Мелу на следующий день. «*Это только сон*», — твердили учителя. Но их расширенные зрачки и натянутые улыбки говорили совсем другое. Мое приключение укрепило самые зловещие подозрения наставников.

Подозрения в том, что моя мать — дьявол, а я — ее ручной демон.

ГЛАВА 2

НА РАВНИНАХ СУОНЫ ТЕПЛО ДАЖЕ В СЕЗОН ДОЖДЕЙ. Но вокруг меня воздух всегда казался холодным. С каждым днем рождения — мне исполнилось восемь, девять, десять — я дрожала в стенах усадьбы Бекина, окруженная слугами, которые всегда держали дистанцию. Иногда я тосковала по человеческим прикосновениям так сильно, что наклонялась щекой к открытому огню. Языки пламени обжигали кожу, но я улыбалась, притворяясь, что меня гладят пальцы Леди.

В итоге я однажды случайно упала в кухонный очаг. Слуги вытащили меня из огня, рыдая, вознося молитвы Сказителю Аму.

Дрожа, я шепотом повторяла:

— *Я не могу умереть, я не могу умереть, матушка скоро вернется, а значит, я не могу умереть.*

Но я не получила ожогов. Одежда превратилась в дымящиеся угольки, зато кудрявые черные волосы даже не занялись.

Горничные смотрели на меня в ужасе. А я вспомнила слова Леди из ее первого желания: «*Дом, где я и мои друзья всегда будем в безопасности*».

— Это матушка, — сказала я, задыхаясь от восторга. — Она защитила меня.

С того дня слуги стремительно начали сесть. Я прыгала с ограды, погружала голову в ведра с водой, ловила ядовитых пауков, заставляя их укусить меня.

— Я не умерла! — со смехом восклицала я, пока слуги вправляли мои сломанные кости и заливали в горло чай с противоядием.

— Да, — говорила сквозь зубы целительница. — Ведь мы вовремя тебя нашли.

— Нет, — настаивала я мечтательно. — Это потому, что матушка меня любит.

Учителя постепенно теряли терпение, однако знали: чем скорее они сделают из меня то, что хочет видеть Леди, тем быстрее смогут избавиться от меня. Занятия продолжались. Лекции гудели в ушах, как назойливые мухи. Каждый день в нос ударял запах чернил, и каждую ночь меня преследовал запах жасмина. Но воспоминание Мелу пробудило в душе голод, который не могли утолить манговые сады усадьбы Бекина. Я жаждала увидеть мир за воротами крепости Леди.

Огромный глобус стоял на деревянной подставке в кабинете. Неровные края континентов окружал синий океан, который я никогда не видела. Самый большой континент, на котором располагалась и Суона, представлял собой лоскутное одеяло из саванн, лесов, пустынь и снежных тундр. Это, как объясняли учителя, — наш Аритсар.

Бессмертная Аритская империя, долгие лета роду Кунлео.

Исторические свитки, которые я изучала, в основном были отредактированы. Наставники вычеркивали строчки или целые страницы черными чернилами, отказываясь называть мне причину. Однажды мне удалось прочитать несколько замаранных параграфов, держа бумагу на свету, пока учитель не вырвал свиток из моих рук.

Но я кое-что выяснила. Давным-давно Аритсара даже не существовало. В те далекие времена из бескрайнего океана торчали лишь отдельные острова-государства. На эти двенадцать слабых и враждующих друг с другом стран постоянно нападали абику — демоны из Подземного мира. Затем полководец Эноба Кунлео по прозвищу Совершенный высвободил силу земли и объединил острова в гигантский континент. Он короновал себя императором, а правителей государств сделал вассалами. Потом он сразился против абику, собрав Армию Двенадцати Королевств. Противники были равны: война смертных и демонов длилась десятилетиями, пока наконец истощенные борьбой стороны не заключили перемирие.

Энобу называли спасителем Аритсара. Правители континента благодарили его за установление мира в их вассаль-

ных владениях. И вот уже несколько веков потомки Кунлео правят Аритсаром из Олуона – родного королевства императора, объединяя двенадцать стран для совместных успехов в области искусства, науки и торговли.

Каждый раз, когда караваны проходили мимо усадьбы Бекина, я слышала, как торговцы поют, восхваляя империю, пока их жены укачивали младенцев, а дети постарше бегали вокруг верблюдов:

Барабаны его – Олуон и Суона: нсе-нсе!
Плут его – Дирма с Ниамбой: гпо-по!
Любуются Спарти и Мью его танцем,
Золото с черным: старший брат наш прекрасен!

Точит Кетцала копьё его: нсе-нсе!
В Благословенной Долине ткут платье,
Нонт с Бирасловом любят танцем,
Золото с черным: старший брат наш прекрасен!

Косы ему заплетает Джибанти,
Носит Морейо вино ему: гпо-по!
Одиннадцать лун любят танцем,
Золото с черным: старший брат наш прекрасен!

Нынешним «старшим братом» Аритсара, то есть императором, был Олутбаде Кунлео – прямой потомок Энобы Совершенного. Я мурлыкала себе под нос эту песню, прогуливаясь в манговом саду. Пробираясь сквозь заросли, я разговаривала с невидимым первым правителем, делясь с ним мыслями по поводу аритской истории и управления страной. Иногда я представляла, что он смотрит с облаков, согревая мои голые плечи своим солнечным одобрением. Какой же он, должно быть, великий человек, раз объединил так много земель!

Дирма. Нонт. Джибанти. Названия королевств Аритской империи отдавали чем-то острым на языке. Я тосковала по этим далеким местам, которые учителя описывали так живописно...

Молочные фермы Морейо. Ночные празднества Ниамбы. Снежные пики Бираслова. Коварные тропические леса Кетцалы.

Я лежала на спине, глядя на манговые деревья, и пыталась представить высокие дома Олуона — столицы нашего божественного императора. Даже в Суоне имелись свои загадки. Я никогда не покидала саванну, но слышала истории о густых зарослях деревьев какао и о рынках, где женщины носят в корзинах на головах засахаренные плоды папайи.

Но еще больше, чем о городах и тропических лесах, я мечтала о том, чтобы меня не называли *демоном*.

Я завидовала детям, которых видела вне стен усадьбы Бекина: они сидели на руках у бабушек и дедушек, бегали наперегонки с братьями и сестрами. А меня только Леди касалась добровольно.

Однажды утром, наблюдая за караванами из окна, я выучила другую песню.

Одиннадцать лун вокруг трона танцевали,
Одиннадцать лун вокруг солнца сияли,
Сияли славой, славой.
Но рушились империи, а люди предавали.
Солнце-Луч-Солнце вновь будет всеми править,
Когда все сказано, сказано,
И все сделано, сделано.

Мне понравился зловещий ритм. Я шептала эту песню, словно заклинание, разгуливая по усадьбе, пока меня не позвала учительница. Она спросила дрожащим голосом, где я услышала такую бессмыслицу. Я рассказала ей... и на следующий день все окна в кабинете оказались заколочены наглухо.

Я пыталась оторвать доски, пока пальцы не начали кровоточить. Окна были моим спасением, порталом в Аритсар — ведь так я чувствовала себя менее одинокой. Как они посмели?

Но окна исчезли, как исчезала Леди, Мелу и все остальное, что было мне дорого.

Я угрожала поджечь кабинет.

— Я сделаю это! — выла я. — Почему бы и нет? Со мной-то ничего не произойдет. А ваши свитки — сгорают. И *вы* тоже! Учителя побледнели.

— Мы не можем научить тебя всему, — говорили они, перевязывая мои израненные руки. — А эта песня запрещена.

Как и Леди, наставники тоже имели привычку пропадать на несколько месяцев. Обычно это случалось после очередного визита Леди, когда она находила мои успехи в учебе неудовлетворительными. Тогда привычных учителей на время сменяли новые, еще более нервные.

Вот и на мой одиннадцатый день рождения две новые персоны прибыли в усадьбу Бекина. Сопровождал их самый желанный для меня подарок.

— Матушка! — воскликнула я, бросаясь к ней, чтобы обнять.

Окрашенное воском одеяние Леди царапнуло мне лицо, когда я прижалась к матери. Она нежно дотронулась ладонью до моей щеки — я вздрогнула, но прикосновение было приятно.

— Привет, Сделана-из-Меня, — сказала Леди, отстранилась и вновь напела пугающую колыбельную: — *Я — моя. Она — это я, и она — лишь моя.*

Мы стояли на просторной открытой террасе усадьбы Бекина. Солнечные лучи падали на пол, выложенный глиняной плиткой, и озаряли Леди и ее облако темных волос. Рядом с ней стояли два незнакомца — так близко, что я им завидовала.

— Друзья, — произнесла Леди, — прошу, скажите моей дочери, что вы — ее новые постоянные охранники.

Она редко обращалась ко мне напрямую. Когда же это делала, то говорила кратко и с паузами, осторожно подбирая нужные фразы. Позже я поняла: Леди опасалась случайно что-то мне приказать — и потратить драгоценное третье желание, которое до сих пор спало у меня внутри.

Слово «постоянные» привлекло мое внимание. Слуги не задерживались в доме дольше чем на пару месяцев. Старшая из незнакомцев, элегантная женщина примерно возраста Леди, была целиком одета в зеленое. Из-под капюшона пла-

ща, который она не сняла даже в жару, торчали завитки кудрей. «Изокенка», — догадалась я.

Изокены рождались от браков представителей разных народов Аритсара. Чтобы укрепить единство империи, правительство поощряло семьи золотом из императорской казны за каждого ребенка-полукровку.

— Я Кэтлин, — представилась женщина и вздохнула, повернувшись к Леди. — Надеюсь, это создание не доставит нам проблем. У нее есть имя, помимо Сделана-из-Меня?

— Эру зовет ее по-другому, — сказала Леди.

Меня учили распознавать акценты. Кэтлин слегка шепелявила, что выдавало в ней уроженку Мью — зеленой холмистой страны на северных окраинах Аритсара.

— Меня зовут Тарисай, — встряла я, поздоровавшись с Кэтлин на мьюйском и надеясь ее впечатлить. — Пусть ваши осенние листья снова станут зелеными!

Я не знала, что такое осень, и никогда не жила в тех краях, где деревья меняли цвет, но это походило на хорошее пожелание.

— Великий Ам, Леди, — хмыкнула изокенка. — Ты что, учила ее говорить на *всех двенадцати* языках империи?

— Не повредит, чтобы выделиться на фоне остальных, — ответила Леди самодовольно.

— Они уже не проверяют детей на знание разных языков, — возразила Кэтлин. — Больше нет. Каждое королевство теперь говорит на аритском. В этом весь смысл империи.

— Только жители Аритсара, — вставил второй незнакомец, — гордятся тем, что их культуру стирают. Зачем уникальность, когда можно быть одинаковыми?

Он выглядел гораздо младше Кэтлин, вероятно, лет на двадцать, и казался юношей, а не зрелым мужчиной. Его голос походил на паутину — такой же мягкий и легкий. Я не могла распознать его акцент.

Он оглядел меня глазами, похожими на половинки луны, вздернул угловатый подбородок и перебросил конец синего плаща на сгиб локтя. Кроме плаща на нем были только штаны, и каждый дюйм его тела — лицо, руки, грудь и ступни —

покрывали геометрические фиолетовые татуировки. Мне, наверное, почудилось, но на мгновение они вспыхнули.

Он насмешливо поклонился. Прямые черные волосы упали на плечи.

— Приятно познакомиться, Дочь Леди. Мое имя Ву Ин. Моя родина, слава Сказителю, лежит за пределами вашей неестественным образом объединенной империи.

Я ахнула:

— Ты из Сонгланда!

— Так удивляешься, как будто Сонгланд по меньшей мере царство фей! — Он закатил глаза. — Разумеется, я оттуда. Я же покрыт этими замечательными рисунками, верно?

Его тон сочился сарказмом, но мне и правда понравились узоры, хотя они и внушали некоторое беспокойство. Они змеились по лицу и шее молодого человека, как логическая головоломка без решения. Я сглотнула: Ву Ин являлся Искупителем.

Сонгланд был бедной страной на полуострове — на краю континента. Предки нынешних обитателей Сонгланда отказались признать Энобу императором, и в результате крошечное королевство исключили из торговых соглашений Аритсара.

От остальной империи Сонгланд был отрезан горной цепью. В Аритсаре и вовсе забыли бы о его существовании, если бы не Искупители.

Эноба Совершенный заплатил за мир высокую цену. Каждый год три сотни детей посылали к Разлому Оруку — последнему известному входу в Подземный мир. В обмен на эту жертву абику не нападали на человеческие города и деревни.

Дети, известные как Искупители, рождались с картой на коже, с помощью которой должны были пройти через Подземный мир и вернуться обратно в царство живых. Немногие переживали это путешествие. Как следствие некоторые семьи прятали своих Искупителей. Но за каждую пропущенную жертву абику насылали на континент полчища чудовищ и болезни.

Считалось, что Искупители рождаются случайным образом, у любого народа и социального класса. Однако по

какой-то причине последние пятьсот лет они появлялись только в Сонгланде.

Никто не знал, почему. Впрочем, жители Аритсара, освобожденные от необходимости жертвовать собственными чадами, придумали множество теорий, чтобы хоть как-то успокоить совесть. Они утверждали, что сонгландцы наверняка чем-то оскорбили Сказителя Ама. Или Искупители стали наказанием за какой-то прошлый грех в истории гордого королевства. Или, возможно, Сонгланд был *благословлен* Сказителем, а их дети — это святые, рождающиеся для принесения в жертву ради общего блага.

Последнее, разумеется, подразумевало под собой благо Аритсара.

Я покосилась на Ву Ина. Он не выглядел особенно святым. Но, конечно, он был особенным, раз выжил в Подземном мире. В тех редких случаях, когда Искупители возвращались оттуда живыми, они были безвозвратно изменившимися.

Я улыбнулась ему и Кэтлин. Может, если я понравлюсь незнакомцам — моим *постоянным охранникам*, — то мне больше не придется разговаривать с невидимым императором?

У меня впервые появятся друзья. Настоящие, а не воображаемые.

«*Пожалуйста, только не считайте меня демоном, — мысленно взмолилась я. — Считайте меня обычной девочкой. Нормальной, совсем не страшной девочкой из торгового каравана.*

— Нам *правда* нужно с ней нянчиться? — недовольно обратилась Кэтлин к Леди. — Разве ты не можешь нанять немую гувернантку или подкупить обычную, чтобы она молчала?

— Нет, — отрезала Леди. — Когда моя дочь покинет пределы усадьбы Бекина и поедет в Олуон, я не смогу контролировать то, что она видит и слышит. Она должна находиться рядом с людьми, которым я доверяю.

Что?

«*Я покину усадьбу Бекина?»*

Кэтлин скрестила руки на груди.

— Ты уверена, что это... существо, созданное для исполнения желания, готово?

— У нас мало времени. Другие дети уже проходят отбор. Если мы не поспешим, в Совете принца не останется места...

Леди умолкла, оборвав себя на полуслове, и бросила нервный взгляд в мою сторону.

— Не волнуйся, — сказала Кэтлин с ухмылкой. — Мы всегда можем *освободить* место.

Леди нахмурилась.

— Надеюсь, в том не будет необходимости. Император и его... — Леди снова не договорила, глянув на меня. — Император и его... друзья... слишком умны, чтобы на такое купиться. Она должна пройти отбор как можно более естественным образом.

Кэтлин рассмеялась.

— Нам тоже нужно следить за словами? Она ведь все равно узнает.

— Невежество заставит ее казаться более чистой, — ответила Леди мрачно. — Император таких любит.

— Значит, сегодня ты загадаешь желание? — спросил Ву Ин.

Леди кивнула и, к моему потрясению, ласково дотронулась до лица Искупителя, как несколько минут назад дотрагивалась до моего. Юноша прильнул к ее руке, целуя ладонь. Во мне мгновенно вспыхнула зависть.

Леди сказала:

— Ты сумеешь ее сберечь. Я знаю.

Голодным взглядом он всмотрелся в ее лицо, затрепетав, как мотылек перед пламенем свечи.

— Я верю в наше дело.

Леди растрепала его волосы:

— А я верю в тебя.

— Зачем мы едем в Олуон? — потребовала ответа я. — Матушка, ты тоже?..

— Нет, Сделана-из-Меня. — Леди присела на широкие перила, солнце подсвечивало ее, обрамляя силуэт женщины ангельским ореолом. — Я приду за тобой, когда настанет время.

Она похлопала по коленям, кивая мне, чтобы я подошла поближе.

Позже и до конца своей жизни я буду мечтать, чтобы в ту секунду вселенная подала мне какой-нибудь знак. Предупреждение о том, что сейчас случится. Но нет: воздух был теплый и спокойный, вдалеке пели птицы. Я радостно бросилась в объятия матери.

Несколько мгновений она гладила меня по спине, глядя на марево в небе Суоны.

— Должно быть, ты так напуган, — сказала она, обращаясь к кому-то невидимому. — Ты посадил меня в клетку, как птицу, но так и не смог заставить петь.

Затем Леди велела Кэтлин:

— Дай ей портрет.

Мне вручили картину в позолоченной овальной рамке. На полотне был изображен мальчик с кудрявыми волосами и самой радостной улыбкой, которую я когда-либо видела. На темном лице с широкими чертами сияли наивные карие глаза.

— Почему он счастлив? — спросила я.

Леди выгнула бровь:

— Разве тебе не интересно, кто он?

Я пожала плечами, и она ответила на мой вопрос:

— Он счастлив, потому что у него есть все, чего ты хочешь. Власть. Богатство. Наследие. Его отец украл все это у тебя и отдал сыну.

— Осторожно, Леди, — пробормотала Кэтлин. — Помни: она должна его полюбить.

Я нахмурилась, ничего не понимая. Разве я хотела власти и богатства? И почему я должна любить мальчика на картине? Но руки Леди, поглаживающие мою спину, и аромат жасмина мешали мыслить ясно. Я прильнула к матери, мгновенно выбросив из головы и портрет, и украденное счастье. Я бы обменяла все богатства Аритсара на простые объятия. На то, чтобы меня касались без страха и никогда не называли «опасной».

— Ты слушаешь, Сделана-из-Меня? — прошептала Леди.

Я на миг закрыла глаза и кивнула, прижимаясь щекой к ее груди. Сердце Леди билось быстрее, чем крылья колибри.

Следующие слова Леди подбирала с особой тщательностью:

— Когда ты встретишь этого мальчика...

Что-то во мне, спавшее годами, пробудилось, обжигая кожу, как наруч на запястье Мелу. Я взглянула на портрет, на мгновение мои глаза отразились в стекле, защищающем картину, и вспыхнули изумрудным светом.

— Когда ты полюбишь его сильнее всего — и когда он помажет тебя как свою...

Леди замолчала и коснулась портрета, закрывая рукой ослепительную улыбку мальчика.

— Я приказываю тебе убить его.

ГЛАВА 3

Я СОГНУЛАСЬ НАД МИСКОЙ В РВОТНОМ ПОЗЫВЕ: ОТ ВСЕЙ этой тряски меня тошнило.

— Я же говорила, что путешествовать через камни переноса — плохая идея! — рявкнула Кэтлин на Ву Ина, выливая содержимое миски в окошко. — Надо было поехать на верблюдах. Камни переноса слишком мощные. Она никогда раньше не подвергалась магическому воздействию.

— Ее растили в невидимом доме, — заметил Ву Ин сухо. — Скоро она будет в порядке. Кроме того, похоже, ее бы тошнило и на верблюдах тоже.

Сегодня состоялась моя первая поездка в крытой повозке с впряженным в нее мулом. Никогда раньше я не каталась на каком-либо транспортном средстве. Покинув усадьбу Бекина, мы пересекли два королевства за пару недель. На мулах, на верблюдах или на пароме подобное путешествие заняло бы несколько месяцев. Но мы сократили путь через камни переноса, которые представляли собой мощную и опасную магию, растворяющую тела и собирающую их заново на большом расстоянии. Порты с камнями переноса были разбросаны по всему Аритсару и охранялись Имперской Гвардией.

Когда мы проходили мимо солдат, Кэтлин заставляла меня прятать лицо под капюшоном.

— Не привлекай внимания, — ворчала она. — Ты как две капли воды похожа на Леди.

Я не понимала, почему сходство с матерью так опасно. На самом деле, поглощенная приключением, я часто и вовсе забывала о желании Леди. Ее смертоносные слова расплывались в сознании, когда я увидела чудеса из книг и свитков. *Город. Рынок. Гора. Озеро. Лес.* Мир вокруг меня

был огромным — каковы шансы, что я вообще встречу мальчика с портрета?

После первого магического перемещения меня вырвало прямо на сапоги Кэтлин. Солдаты предупредили нас, что лучше не пользоваться камнями переноса чаще одного раза в месяц, но Ву Ин настоял, что мы должны совершать по два прыжка в неделю.

После четвертого перемещения моя левая рука исчезла.

От ужаса я чуть не потеряла сознание, однако потерянная конечность, померцав немного, все-таки согласилась вернуться. В итоге Ву Ин сдался и согласился на повозку. Мы часами ехали по пыльной дороге, останавливаясь только на ночь в постоянных дворах. Я дышала над имбирным супом, чтобы меня перестало тошнить, а затем падала без сил на соломенный тюфяк, настолько уставшая, что даже не видела снов.

Сегодня тошнота от камней переноса наконец начала спадать. Когда меня вырвало в миску, я почувствовала себя намного лучше и с любопытством свесилась из окна повозки. Мы ехали на побережье Олуона, где в изобилии росли пальмы и апельсиновые деревья, дни были длинные и теплые, а ночи поцелованы дождем. Сердце билось быстрее при виде незнакомых пейзажей, проплывающих мимо: холмистых зелено-золотых равнин, усеянных озерами и пальмовыми рощами. Я жадно глотнула утренний воздух, почувствовав запах цитрусов и морской соли.

— Маленький демон! — зашипела Кэтлин, заметив, что я делаю. Она попыталась втолкнуть меня обратно, схватив за шиворот. — Ради Ама, кто-нибудь может тебя *увидеть*, несносный ребенок! Не высовывайся!

— А вот и буду, — возразила я, смеясь, пока ветер трепал мои многочисленные косички. — Я больше никогда не отойду от окна!

— Ты не доживешь до другого окна, — пригрозила Кэтлин, сумев затащить меня внутрь повозки, — если будешь продолжать в таком духе. Ты — секрет. Тебя не должно существовать.

Я нахмурилась:

— Все потому, что мой отец — эру?

— Да будь он хоть самим дьяволом — это не имеет значения, — буркнула она. — Для императора гораздо большей угрозой всегда будет твоя мать.

Я попыталась настоять на том, чтобы она дала развернутый ответ, но Кэтлин отказывалась пояснять что-либо еще. Я разочарованно отодвинулась от нее и села поближе к Ву Ину.

Я пока не простила Искупителя за то, что он поцеловал руку Леди, но он, по крайней мере, не воспитывал меня. Вообще редко говорил, разве что иногда бормотал себе под нос нечто едкое или тихо ругался, когда вспыхивали его та-туировки.

— Рисунки на коже делают тебе больно? — Я нахмурилась, глядя на охранника. — Почему карта не исчезла, когда ты вернулся из Разлома?

Ву Ин напрягся.

— Карта исчезнет, когда исчезнут кошмары, — сказал он кисло.

Я решила, что лучше его об этом не спрашивать. Но любопытство съедало меня изнутри: сколько лет было Ву Ину, когда родители отдали сына абику? На что похож Подземный мир?

Однажды на постоялом дворе я притворилась, что сплю, заметив, как Ву Ин смотрит в окно. Плечи юноши дрожали, и я вдруг поняла, что он плачет. Будто пытаюсь сбежать от монстров, которых мог видеть только он, Ву Ин набросил на плечи плащ и выпрыгнул наружу.

А потом я различила над крышами темный силуэт: Ву Ин парил в лунном свете.

— Все сонгландцы умеют летать? — спросила я, толкая его плечом.

Он нахмурился, недовольный тем, что я узнала его секрет.

— Нет. Это мой Дар.

— Дар?

— Врожденная способность. Только люди с Даром могут служить Леди. Он есть у всех нас.

У всех нас. Мне стало интересно: а много ли у Леди друзей?

— У тебя тоже есть Дар? — спросила я Кэтлин.

Она кивнула:

— Я могу менять внешность любого человека. Включая и тебя, хотя, пожалуй, камни переноса уже с лихвой встряхнули твои внутренности. — Она задумчиво выглянула в окно. — Это довольно удобно, поскольку жители Мью с неодобрением относятся к изокенам. В Олуоне, по крайней мере, никому нет дела до моей внешности. Им все равно, пятнистая я или в полоску.

— Покажи! — взмолилась я.

И внезапно вместо Кэтлин, сидящей напротив меня, появился второй Ву Ин. Я подпрыгнула, испуганно вцепившись в руку первого Ву Ина. Но *он* теперь стал Кэтлин.

— Приветствую, Дочь Леди, — сказал иллюзорный Ву Ин, отбрасывая за плечо прямые черные волосы. — Это я, твой угрюмый принц-нянька. Сейчас я буду с мрачным видом размышлять о своем трагическом детстве.

Иллюзорная Кэтлин закатила глаза.

— Очень смешно.

Настоящая Кэтлин замерцала, вновь превратившись в саму себя, и вернула Ву Ину истинный облик.

— Принц? — пробормотала я, насупившись.

Учителя заставляли меня выучить имена всех живых членов королевских династий на континенте, но я никогда не слышала о принце Ву Ине. У королевы Хэ Сунь из Сонгганда была только одна наследница: принцесса Минь Цзя.

— Я не попал в официальные записи, — сказал Ву Ин без всякого выражения. — У нас стараются их избегать, если ты проклят.

Наша повозка приближалась к городским воротам. Дороги стали шире, а воздух наполнился голосами и стуком копыт. Вдоль широкой реки Олорун пролегал главный торговый тракт, а по самой реке туда-сюда ходили баржи с грузами.

Кто-то бил в барабан и смеялся. Мимо нас рядами промаршировали мужчины, что-то распевая. Кэтлин спрятала

ла меня в глубину повозки, но мне удалось бросить украдкой взгляд на горизонт, и сердце еще чаще забилось от восторга.

В небеса стремились золотые купола и призрачно-белые высокие здания. Городские стены окружал туман, и река Олорун огибала столицу империи, как исходящая паром сияняя змея.

Когда на дорогах стало слишкомлюдно, мы сменили повозку на паланкин. У меня просто дух захватывало. Я выглядывала наружу из-за полупрозрачных занавесок, пока бегуны несли нас вперед.

Улицы кишели торговцами и груженными мулами, радостными детьми и надменными учеными, жрецами, проповедниками, сказителями и уличными плетельщицами косичек. Лоточники продавали все — от орехов колы до кафтанов, от пойманных в клетку *спрайтов* до твякующих щенков гиены. На каждой площади сверкали обсидиановые статуи Энобы Совершенного.

Кэтлин объяснила, что старейшие и богатейшие семьи Олуона считаются носителями голубых кровей: их кожа настолько черна, что отдает синевой, будто драгоценный кобальт. Но город развивался вместе с Аритской империей: теперь здесь обитали люди самого разного телосложения, говорившие на многих языках и продававшие какие угодно пряности и ткани. В воздухе пало смесью карри, лаванды и кайенского перца. С севера привозили клетчатую шерсть, с юга — шелк, а из центральных королевств — окрашенную воском ткань, и все товары могли висеть бок о бок в самой обычной лавке.

Музыка и диалекты с разных концов империи сливались в оглушительную какофонию.

— Не дай ей увидеть Стену Смотрящих! — рявкнула Кэтлин спустя некоторое время.

Ву Ин подчинился, схватив меня за руки и закрыв мои глаза ладонью. Но мне все равно удалось подглядеть сквозь его пальцы... хотя я не поняла, что именно увидела.

Через город проходила стена высотой в несколько этажей. На ней высились выложенные разноцветной мозаи-

кой коронованные фигуры. Они выглядели угрожающе. Я узнала одного из них: это был Эноба Кунлео, красивый широконосый мужчина. Статуи легендарного императора стояли по всему Олуону.

Другие статуи мужчин и женщин показались мне почти такими же роскошными, как император. Я рефлексивно сочитала количество в ближайшей группе: *одинадцать*.

Почему число казалось мне знакомым? Оно нависло над головой, словно грозовая туча.

Ву Ин отпустил меня, когда уличный шум стал тише. Теперь я снова могла любоваться Олуоном. Дома стали еще больше. Повсюду журчали фонтаны и мягко шелестели деревья. Откормленные аристократы выезжали в паланкинах из дворов особняков. Я с любопытством отметила, что усадьба Бекина была построена по образцу здешних поместий. В утреннем солнце гордо сверкали белые стены и красные крыши.

— Это Илайоба, — пробормотала Кэтлин одновременно мечтательно и опасливо. — Район, где живет император и те, кто может позволить себе такое соседство.

На зеленом холме в небо устремлялись купола огромного дворца.

— А это, — сказала Кэтлин, — Ан-Илайоба — жилище императора. Вот и твоя последняя остановка, маленький демон.

— Почему? — спросила я, даже не надеясь получить ответ.

У ворот нас проверили на наличие оружия. Со стен Ан-Илайобы ниспадали гигантские черные флаги длиной в десять этажей. На каждом стяге была изображена императорская печать Кунлео: золотое солнце, окруженное одинадцатью лунами.

— По какому делу? — проворчал стражник.

Кэтлин показала на меня:

— Прибыла кандидатка.

Мы спустились с паланкина, и стражник махнул в сторону дворца.

Когда мы вошли во дворец, то очутились в просторном шумном зале с мраморным полом, украшенном изображением солнечных дисков.

Здесь было полным-полно детей, приехавших из каждого королевства Аритсара. Все они были в разной степени одетости.

Некоторые отмывались в лоханях, после чего их проверяли на вшей. Другие тренировались, орудуя деревянными копьями. Кто-то декламировал поэмы, держа в руках свитки, или брал лихорадочные аккорды на музыкальных инструментах, а кто-то просто красовался, с улыбкой глядя на свое отражение в зеркале:

— Для меня честь встретиться с вами, Ваше Императорское Высочество, — повторяли дети так и эдак.

Большинство были одеты в черные туники, закрепленные на плечах блестящими брошками в виде солнца и лун. Дворцовые слуги в парчовых одеяниях наблюдали за приготовлениями, и, если какого-нибудь ребенка считали подходящим, — я не знала, для чего именно, — стража подталкивала кандидата к очереди, которая терялась в спиральных завитках каменной лестницы.

— Возраст? — произнес клерк с огромной книгой и пером, поднимая на меня взгляд.

— Одиннадцать, — ответила Кэтлин. — Как и Его Императорскому Высочеству. Ее зовут Тарисай, и она из Суоны.

Клерк с подозрением уставился на меня.

— Вы уверены? Имя похоже на суоннское, но *выглядит* она как олуонка.

Кэтлин подтолкнула меня в спину, и я, вскрикнув, издала возмущенный возглас и выругалась. Мой суоннский акцент убедил клерка. Он кивнул группе дворцовых слуг, которые тотчас взяли меня под руки.

Я сопротивлялась, цепляясь за Ву Ина, но он прошептал:

— Теперь ты сама по себе, Дочь Леди. Мы не можем остаться.

— Что происходит? Что эти люди со мной сделают?

Ву Ин нервничал, но ободряюще сжал мою ладонь.

— С тобой все будет в порядке, — прибавил он. — Мы всегда будем рядом, даже если ты не будешь нас видеть. А тебя к этому готовили.

— Готовили? К чему?

Но стражники прогнали Ву Ина и Кэтлин, и последняя ниточка, связывающая меня с домом, с усадьбой Бекина и всем, что я знала, исчезла.

Пять пар рук сняли мою одежду и начали натирать меня мылом из банановой золы. Волосы вымыли сладко пахнущей водой, расчесали и натерли маслом ши, пока не засияла каждая кудряшка. Затем на плечи мне набросили струящуюся черную тунику и завязали пояс с символикой родного королевства. Ткань была насыщенно-синяя, как небо Суоны, и украшена слонами и цаплями. Через пару часов я присоединилась к очереди ждущих на лестнице детей — наши сандалии скользили по каменным ступенькам. Любопытство приглушало страх: я никогда еще не стояла рядом с ровесниками. Передо мной нервно топталась на месте девочка с огромными светло-ореховыми глазами. Ее волосы и шея покрывала прозрачная красная вуаль, а на поясе были изображены верблюды. Я догадалась, что она из Благословенной Долины: пустыни, где обитали кочующие пастихи и ремесленники.

Девочка вертела на пальце золотое кольцо и рассеянно напевала:

— Спи, дочурка, ведь сегодня ты покинешь этот кров. Не усну я этой ночью. Спи, но помни обо мне...

Голос девочки походил на голос взрослой женщины — глубокий, звучный, он словно укрыл меня, как толстый шерстяной плащ. Я немедленно расслабилась, но, когда я зевнула, она перестала петь.

— Извини, — сказала она с улыбкой. — Мама твердит, что мне надо быть осторожнее. А колыбельная помогает уложить спать мою сестренку Мириам быстрее, чем моргнет верблюд. Я пою ее, когда боюсь: это помогает сердцу вспомнить родной дом.

— Тебе, наверное, холодно, — произнесла я вежливо, указывая на ее вуаль.

Она рассмеялась.

— Это молитвенный платок. В Благословенной Долине все Люди Крыла покрывают головы. Так мы демонстрируем преданность Сказителю.

Мои учителя не вдавались в подробности касательно четырех самых главных религиозных течений в Аритсаре, я лишь знала их количество.

— Все... Люди Крыла могут так, как ты? Творить магию голосом?

Она хмыкнула.

— Нет. И это не магия. Я просто напоминаю телам о том, в чем они нуждаются. Вот мой Дар.

— Врожденная способность, — догадалась я, вспомнив слова Ву Ина.

— Естественно. У каждого кандидата должен быть Дар. Надеюсь, моего достаточно. И я думаю... — Она бросила на меня обеспокоенный взгляд. — Может, мама была права? И мне не стоило покидать караван?

Раздались чьи-то пронзительные крики, и внезапно по лестнице спустилась стража, сопровождавшая светловолосого мальчика с самой бледной кожей, которую я только видела.

— Это нечестно! *Нечестно* — отпустите меня! — вопил он с сильным нонтским акцентом, гортанно и прерывисто.

Если он путешествовал не с помощью камней переноса, у него ушел почти год, чтобы добраться до Олуона. Холодный серый Нонт располагался дальше всех остальных королевств Аритской империи.

— Я даже не встретил Его Высочество. Я напишу отцу. Я *рожден* для этого! Так нечестно!

Девочка из Благословенной Долины прыснула в ладошку.

— Похоже, кто-то не прошел даже первое испытание. А ведь это обычное собеседование. Самое сложное начинается потом.

Я уставилась на мальчишку из Нонта. Постепенно его крики стихли. Я вцепилась в синий пояс: ткань наградила меня воспоминанием о том, как ее трогали другие детские руки. За последний месяц десятки суоннских ребят носили его, складывали и снимали дрожащими пальцами. В волнении или в страхе? Этого ткань не знала.

— Что с нами сделают?

— Когда? На первом испытании? Ох! — Девочка из Благословенной Долины небрежно махнула рукой. — Ничего